Евгений СУХОВ

Я – ВОР

В ЗАКОНЕ

ЖИГАН

Я – вор в законе (Эксмо)

Евгений Сухов

Жиган

«Эксмо»
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сухов Е. Е.

Жиган / Е. Е. Сухов — «Эксмо», 2017 — (Я – вор в законе (Эксмо))

ISBN 978-5-699-95816-0

События 1917 года поломали судьбы многих офицеров царской армии. Кто-то погиб, кто-то уехал за границу. Штаб-ротмистр Иван Голенищев-Кутузов сумел-таки устроиться в новой жизни. Сменил фамилию, поступил на службу коммивояжером, зажил в достатке. Но не работа держала его на плаву, а дерзкий и кровавый промысел. Сколотил новоявленный жиган из беспризорников банду, начал грабить и убивать – мстить советской власти. Но с ГПУ шутки плохи, особенно для тех, кто, как Иван, сделал свой роковой выбор…

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-95816-0

© Сухов Е. Е., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 10
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Евгений Сухов
Жиган

© Сухов Е., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Глава 1
Новый дом Вали Волкова

Валька Волчок раньше был Валей Волковым, единственным сыном бравого кавалерийского полковника Владимира Ивановича Волкова, имеющего врученную лично государем императором награду в виде серебряного кубка с именной надписью и два боевых ордена за воинскую доблесть, проявленную на полях войны с германцами и австрияками.

Когда к власти пришли красные, Владимир Иванович стал служить военспецом на Восточном фронте. Был дважды контужен: один раз легко, а после второго пришлось месяц проваляться в госпитале. Командовал сначала отрядом, потом дивизионом, затем доверили полк. За ликвидацию крупной банды «зеленых» под Оренбургом получил по уполномочию ВЦИК из рук самого заместителя Председателя Реввоенсовета республики Эфраима Склянского орден Красного Знамени, являющийся символом мировой социалистической революции. Получил Владимир Иванович документ, подтверждающий сам факт награждения, право ношения ордена за № 226 и памятку к нему, гласящую, что орден Красного Знамени – есть единственная награда, которой Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов Рабочих, Крестьянских, Красноармейских и Казачьих депутатов награждает солдата Революции за храбрость, беззаветную преданность Революции и Рабоче-Крестьянской власти».

В начале девятнадцатого года военспеца комполка Волкова отозвали из Оренбурга в Москву преподавать искусство верховой езды кремлевским курсантам – учащимся Первых московских пулеметных курсов по подготовке командного состава РККА, квартировавшим в Кремле.

А потом «солдат Революции» оказался замешан в контрреволюционном заговоре антибольшевистского восстания в Москве, подготавливаемом подпольной организацией «Национальный центр». Более того, Волков являлся начальником одного из секторов, на которые делилась Москва, чтобы восстание возникло одновременно во всех ее районах. В августе руководители и деятельные члены «Национального центра» во главе с генерал-лейтенантом Стоговым и кадетом Щепкиным были арестованы и по постановлению комиссии московской Губчека были расстреляны. В списке понесших высшую меру наказания значился и бывший кавалерийский полковник Владимир Иванович Волков.

Конечно, казенную квартиру без промедления отобрали. А супруге Владимира Ивановича Галине Николаевне с сыном Валентином шести годов от роду предписали в течение суток покинуть Москву.

У Галины Николаевны была тетка Варвара Алексеевна, проживавшая в Нижнем Новгороде. К ней и решили ехать, потому как более податься было некуда.

Пришли на Казанский вокзал. Народу – тьма тьмущая. Все с баулами, котомками, узлами – не протолкнуться!

Галина Николаевна оставила Валентина с узлами на лавочке, а сама с чемоданчиком, где были деньги и документы, пошла узнать, когда будет поезд на Нижний. И не вернулась. Но поскольку она велела Вале сидеть и никуда не уходить, он так и сидел. До самой ночи. Потом уснул, а когда утром проснулся, то никаких узлов рядом уже не было. Мама тоже не вернулась. Что делать, где искать пропавшую маму?

Обежал весь вокзал, заглядывая в хмурые лица. Спрашивал всякого встречного-поперечного:

– Вы мою маму не видели?

Кто-то молчал, кто-то пожимал плечами или попросту отмахивался от мальчишки, кто-то смотрел на Валю, как на придурошного, а он все бегал по вокзалу:

– Вы не видели мою маму?

Потом пожалел, что ушел со своего места, ведь мама велела ждать и никуда не уходить. Он нашел свое место с трудом, но оно было занято. И мамы не было…

– Чего ревешь? – склонился над ним какой-то старик с седыми лохматыми бровями.

– Моя мама потерялась, – с трудом ответил Валя сквозь всхлипы. – Вы ее не видели?

– Не видел, – участливо проговорил старик. – А может, это ты потерялся?

– Нет, мама. Она велела мне здесь ждать, а сама ушла и потерялась.

– Давно?

– Вчера…

Старик какое-то время стоял возле Вали, потом спросил:

– А ты ел что-нибудь сегодня?

– Нет.

– Пойдем со мной, – протянул старик руку.

– А мама?

– Ну, если она ищет тебя, то как-нибудь даст о себе знать. А пока пойдем со мной, парень. Покушаешь, отдохнешь. После придумаем, как разыскать твою маму…

Валька посмотрел на старика, встал и взял его за руку…

Старик жил в доме по Самаринскому проулку, что между Мытной и Пожарной улицами. Дом был старый и неухоженный, наполовину каменный, наполовину деревянный, вросший первым этажом в землю аккурат по самые окна. Старикан проживал на втором этаже в двух небольших комнатках, одну он и отвел юному гостю.

Несмотря на внешний вид дома, внутри царил порядок, чистота и даже уют, который придавали комнаткам тюлевые занавески на окнах, ковровая дорожка на полу и фотографии на стенах в аккуратных рамочках.

На одной из них хозяин дома – еще молодой, в шляпе, с усиками, в сюртуке английского покроя, в щегольском жилете и в шикарных лаковых штиблетах – был запечатлен с прехорошенькой дамочкой в кринолинах и соломенной шляпке с лентами. Мужчина стоял, положив руку на спинку стула, на котором сидела дама. Взгляд ее был устремлен прямо в объектив, и опытный физиогномист мог бы определить по ее лицу и глазам, что характер этой женщины не прост: она упряма, любит деньги и богатые подарки, а еще склонна к капризам. Все ее желания должны быть удовлетворены любой ценой.

Черты лица и глаза мужчины, напротив, выражали прямолинейность и упорство характера, хотя лоб и брови указывали на то, что он умен, хладнокровен и весьма изобретателен. Впрочем, ничего такого Валя, конечно, не думал и просто рассматривал фотографии с естественным детским любопытством.

На другом снимке старик, моложе лет на десять-пятнадцать, стоял в суконных штанах, заправленных в сапоги, и мещанской чуйке рядом с человеком сухощавого телосложения в щегольском визитном костюме и с шелковым цилиндром на голове.

Рядом висела еще одна более поздняя фотография старика и того самого человека, уже не очень молодого с черной повязкой, закрывающей один глаз, а второй смотрел весело и дерзко. Господин опирался рукой на солидную трость с набалдашником в виде головы льва из слоновой кости. Его можно было принять за фабриканта из южных краев, к предприятию которого еще не дотянулась мозолистая рука негодующего к частной собственности пролетариата, горевшего желанием все забрать и по справедливости поделить между бедными. Или за иностранного концессионера, на свой страх и риск приехавшего в новую Россию устанавливать экономические связи и ковать железо, покуда оно горячо.

– Это адмирал Нельсон, – просто объявил старик, увидев, что мальчик долго рассматривает фотографию с одноглазым человеком, похожим на фабриканта или иностранного концессионера. – Как-нибудь я расскажу тебе о нем.

– Я знаю, – посмотрел на старика Валя. – Он побил Наполеона.

– Не-е-ет, – протянул старик, слегка усмехнувшись. – Это не тот Нельсон. Другой…

Потом он собрал на стол нехитрую закуску, состоящую из картошки, квашеной капусты, помидоров и огурцов, а когда мальчик, насытившись, вежливо его поблагодарил, поинтересовался:

– Как тебя зовут?

– Валя Волков, – ответил мальчик.

– А что ты делал на вокзале?

– Мы с мамой хотели уехать к ее тетушке в Нижний Новгород. А потом мама ушла узнавать про поезд и потерялась.

– А отец где?

– Его заарестовали, – просто произнес Валя и, посмотрев сытыми осоловевшими глазами на старика, спросил: – А вас как зовут?

– Инженер… – начал старик, но, спохватившись, тут же поправился: – Аркадий Степанович.

– Вы… мой дедушка? Мама говорила, что кроме тетки у нас есть еще двоюродный дедушка. Только мы не знали, где он живет…

Теперь замешкался старик.

– Что ж… Выходит, теперь я твой дедушка, коли оно все так обернулось, – наконец сказал он и добавил, глядя на Валино сонное лицо: – Ты покуда отдохни, поспи, а я тем временем съезжу на вокзал. Может, чего и разузнаю про твою матушку.

– А если мама найдется, вы скажете, что я у вас?

– И скажу, и сюда приведу. Поспи, покуда я хожу…

Он провел Валю в его комнатку, постелил ему на диване и, дождавшись, пока мальчик уснет, ушел.

Когда старик вернулся, Валя еще спал. Аркадий Степанович тихонько прошел к себе и сел к окну. Нахлынули воспоминания. Разные, о чем вспоминать и не хотелось, жизнь старика была ох какая непростая. Так и сидел он, уставившись в окно, пока не почувствовал, что его дергают за рукав:

– Деда, а деда!

– Чего? – очнулся Аркадий Степанович и посмотрел на Валю.

– Вы маму не видели?

– Не видел. Завтра еще пойду.

– А она найдется?

– Найдется, – обязательно найдется, – твердо проговорил старик.

Мама Вали и правда нашлась.

После того как старик еще дважды ходил на вокзал, один из служителей поведал ему, что недалеко от вокзала в одном из заброшенных домов на Рязанском проезде был обнаружен труп насмерть зарезанной полураздетой женщины.

– Уж не та ли это, что ты разыскиваешь? – добавил он.

– А где она сейчас? – спросил Аркадий Степанович.

– Так в морг ее свезли…

Морг был недалече, поэтому старик потопал до него пешочком, соображая в уме, как быть с мальчонкой, если убитая окажется его мамой. А если нет и мама его не найдется – как в таком случае быть?

Обитые жестью двери в морг были заперты. Аркадий Степанович принялся громко стучать и стучал до тех пор, пока наконец двери не приоткрылись, и в проем высунулась лохматая жующая голова:

– Чего тебе?

– Тут вам женщину одну привезли. Зарезанную. Нашли ее на Рязанском проезде, полураздетую.

– И чево?

– Мне посмотреть на нее надо бы.

– У меня обед, – безапелляционно заявил лохматый и попытался закрыть дверь, но Аркадий Степанович придержал ее и жестко повторил:

– Мне надо.

– А ты кто ей?

– Никто. Мальчонка у меня. Так, может, она мать его.

– Ну, вот с ним и приходи, – ответил лохматый. – Через час.

Старик вернулся домой. Посмотрел на Валю, вопросительно уставившегося на него, и сказал:

– Одевайся.

– Что, мама нашлась?

– Может, и нашлась, – отводя глаза, произнес Аркадий Степанович. – Поглядеть надо…

Когда они подошли к моргу, дверь была уже не заперта. Старик открыл ее, спустился по нескольким ступенькам вниз и пошел по коридору, крепко держа Валю за руку. В дальнем конце была еще одна дверь, и, открыв ее, он увидел лохматого.

– А-а, это ты, – произнес лохматый и указал на несколько тел, лежащих под грязными простынями на каменных столах: – Ну, смотри!

– А которая? – спросил старик.

– Вон та, – указал лохматый на крайний справа стол.

Аркадий Степанович, все так же держа Валю за руку, подошел к столу и отдернул простыню. Потом посмотрел на Валю:

– Ты, Валентин, это… посмотри, не мамка ли это твоя.

Валя подошел ближе, посмотрел на лицо женщины и вдруг заплакал.

– Не плачь, Валентин, – неожиданно сорвавшимся голосом произнес старик. – Чего уж теперь…

– Вы мне скажите, кто она такая, – послышался голос лохматого. – А то она у нас проходит, как неизвестная…

– Волкова у нее фамилия, – ответил старик, снова беря плачущего Валю за руку.

– А имя?

– Валя, как зовут твою маму? – повернулся к мальчику Аркадий Степанович и тут же поправился: – Звали…

– Галя, – всхлипывая, ответил мальчик.

– А отчество мамино?

– Николаевна, – едва слышно произнес Валя.

– Пиши: Галина Николаевна Волкова, – сказал лохматому Аркадий Степанович. – Все, что ли?

– А сколь ей лет-то было? – не унимался тот, слюнявя химический карандаш.

– Валентин, ты знаешь, сколько маме было лет?

– Нет, – покачал головой Валя.

– Пиши: двадцать… восемь, – буркнул лохматому Аркадий Степанович. – Теперь все?

– Все, – ответил тот.

– Ну что, Валентин, пошли? – повернулся он к мальчику.

– Куда? – поднял на него глаза Валя.

– Ко мне домой, – ответил Аркадий Степанович. – Со мной теперь будешь жить. – И добавил, немного помедлив: – Чай, не чужие.

Глава 2
Медвежатами не рождаются

Не было у старика никогда ни жены, ни семьи. А стало быть, не было и никаких внуков. Сам же он был внуком государственного крестьянина подмосковной деревеньки Петрово, свободного и платившего в казну денежный налог вместо оброка и барщины. Был дед Аркадия Степановича Петрова умельцем по столярному делу и мастерил по собственным эскизам замечательную мебель. Из-под рук Феоктиста Афанасьевича выходили такие комоды, полушкафы и прилавки, что их впору было выставлять на Всемирной выставке промышленных и ремесленных работ в Лондоне наподобие той, что была в 1851 году. Мебель *от Феоктиста*, как иногда называли приобретшие эти комоды и полушкафы московские помещики, дворяне и купцы, стояла в столовых, спальнях и гостиных таких фамилий, как князья Вяземские, Абамелек, Гагарины, Друцкие, Львовы, Козловские, Несвицкие, Шихматовы, Оболенские… Деньги за свою мебель Феоктист Афанасьевич выручал весьма неплохие, в деревеньке своей ему стало тесно, и он перебрался в Москву, на одну из улочек недалеко от Даниловского монастыря, где выстроил по купеческому образцу дом, наполовину каменный, наполовину деревянный, и, устроив на первом этаже мебельную мастерскую, приобрел патент, дающий право на изготовление и продажу мебели, а также нанял двух толковых работников.

Был Феоктист Афанасьевич к тому времени женат и имел дочь Аграфену и сына Степана, которого начал понемногу приобщать к столярному мастерству. Но Степан Феоктистович к работному делу был не шибко охоч, больше любил девок и дружеские пирушки, хотя однажды, после крепкой отцовой взбучки, заперся в мастерской на несколько дней и изготовил раздвижное кресло-канапе с бархатной обивкой, отделанное палисандром, орехом, вязом и красным деревом. Но главная изюминка была не в этом. В правом подлокотнике канапе была скрытая клавиша, при нажатии на которую под воздействием высвобожденной пружины выкатывалась на колесиках скрытая в днище лежанка, превращая тем самым широкое кресло-канапе в двуспальную кровать. Раздвижное канапе так понравилось старику Феоктисту, что он простил сыну все его прежние прегрешения, ибо сам до такого вовек не додумался бы.

Однако раздвижное канапе было последним мебельным изделием, сработанным отцом Аркадия Степановича. Скоро Степан Феоктистович женился, съехал от старика-отца и записался в артель механиков и слесарей по починке и обслуживанию особняков и доходных домов. Зарабатывал он неплохо, снял квартирку в Замоскворечье, а в одна тысяча восемьсот пятьдесят втором году в возрасте двадцати восьми годов народил сына, которого назвал Аркадием.

Все было ладно до января пятьдесят третьего года, когда в Москве обнаружилась страшная болезнь холера, завезенная из Петербурга каким-то инфицированным крестьянином. В течение зимы и весны гасить очаги заболеваний в Москве или, на худой конец, локализировать болезнь и не допустить ее распространения по всему городу еще как-то удавалось. Но в середине лета ситуация ухудшилась. В августе инфекционные клиники Москвы не успевали принимать заболевших холерой. Заразиться можно было где угодно: в лавке, на базаре, заговорив со знакомыми или просто проходя по улице. Будучи беременной, матушка Аркаши, коему исполнился год, невесть где подцепила страшную заразу, скоро слегла, была помещена в клинику и через неделю скончалась в муках и судорогах. Степан Феоктистович похоронил жену и страшно запил. Сестра его Аграфена иногда приезжала навестить брата, и однажды, увидев его в непотребном состоянии, а его маленького сына голодного, охрипшего от рева, забрала Аркашу к себе. То бишь в отцов дом, поскольку была она старой девой и проживала вместе с отцом Феоктистом Афанасьевичем, помогая ему клеить шпон на мебель и смотреть за работниками. Так Аркаша стал проживать со старым дедом и мрачной теткой со скверным

характером. Через два года пьяный Степан Феоктистович попал под копыта лошади и колеса пролетки. Весь переломанный, он умер в земской лечебнице, не приходя в сознание.

Так Аркаша стал полным сиротой.

Летом тысяча восемьсот шестьдесят четвертого года, как раз во время окончания Кавказской войны, мебельных дел мастер Феоктист Афанасьевич Петров преставился тихо и чинно, успев попрощаться, с кем посчитал нужным, завершить текущие дела и отдать распоряжения касательно своего ремесла, имущества и капиталов. Домом и мастерской на первом этаже стала заведовать Аграфена Феоктистовна, выправившая патент на свое имя и продолжившая дело отца. Она по-прежнему содержала двоих работников, однако производство мебели кардинально изменила: вместо инкрустированных комодов, канапе и полушкафов, являющихся предметами искусства без всяких натяжек, стала изготовлять простые и добротные комоды, шкафы, столы, сундуки и тумбочки, также имеющие достаточный спрос, чтобы жить безбедно и иметь возможность покупать необходимые материалы для работы. Хозяйка была строга к работникам и к себе, годами ходила в одном и том же платье и жакетке и строго следила за Аркашей, чтобы он хорошо учился и, не дай бог, не связался с дурными мальчишками, которых в районе Даниловского монастыря и Якиманки было предостаточно.

Аркаше к тому времени шел тринадцатый годок – возраст переломный, когда в голове начинают роиться мысли относительно ценностей жизни: что главное, что второстепенное, а что и вовсе может потерпеть. Аграфена Феоктистовна и не пыталась что-либо объяснить подростку, просто неустанно гнула свою линию. Внутренне сопротивляющийся Аркаша все же был вынужден слушаться и поступать так, как велела тетка, к тому же ближе ее у него все равно никого более не осталось.

С грехом пополам закончив курс Десятой мужской гимназии на Якиманке, Аркаша подал прошение о поступлении в Московское ремесленное учебное заведение, приравненное к учебным заведениям Первого разряда и принимавшее молодых людей, получивших законченное гимназическое образование. К своему, а особенно тетушкиному удивлению, он был принят. Наверное, сыграло роль его сиротство, поскольку ремесленное училище было заведением характера благотворительного и находилось в ведении Московского Воспитательного дома. Через год училище приобрело давно положенный ему статус высшего учебного заведения и было переименовано в Императорское Московское Техническое училище, которое выпускало уже не подмастерьев и мастеров, а настоящих технических инженеров. Надо полагать, получился бы из Аркадия Петрова весьма дельный инженер или даже фабричный управляющий, если бы не один случай…

Как-то в Татьянин день группа таких же, как он, студиозусов после дружеской попойки решила осчастливить своим посещением цирк на Воздвиженке, где, согласно афишам, завершала тур по России заезжая итальянская труппа знаменитого в Европе атлета Франца Раппо. Силовые номера атлета привели публику в буйный восторг. После того как Раппо отжонглировал огромными булавами и сорока восемью фунтовыми гирями и, зависнув вниз головой, поднял под аплодисменты публики живую лошадь, пришел черед выступать остальным членам труппы.

На арене натянули проволоку на высоте полутора саженей, совсем еще юная девица в обтягивающем трико забралась на нее и стала выделывать такие эквилибристические кунштюки, что и на ровном полу далеко не у всякого акробата может получиться. А потом встала на одну ногу, зарядила брошенное ей ружье и выстрелила из него, сбив яблоко на голове ассистента.

Затем следовал номер по открыванию запоров и освобождению запертого на замки человека. Артиста в маске, натурально закованного в цепи, сажали в сундук, обшитый стальными листами, плотно закрывали крышку, лишая доступа воздуха (это мог проверить всякий желающий), и закрывали на ключ. Сундук опять-таки обматывали тяжеленными цепями, после чего

сковывали цепь огромным висячим замком. Конферансье громогласно объявлял, что через три с половиной, самое большее, четыре минуты человек в сундуке может задохнуться, и просил публику помочь освободить его, предоставив для этого «любые металлические предметы, что имеются в ваших карманах».

– Не извольте беспокоиться, господа: ваши вещи нужны ради спасения человека и только на время этого номера. После его завершения предметы, вам принадлежащие, вы сможете забрать, – такими словами завершил свою просьбу конферансье.

После этих слов появился совсем еще юный ассистент, почти мальчик, и очень быстро пошел по рядам зрителей с металлическим подносом. В зале стало тихо. Было слышно лишь, как бряцают о поднос брошенные на него металлические вещицы.

Через минуту-полторы ассистент вернулся на арену с подносом, на котором лежали несколько разнокалиберных ключей, одни дамские ножницы, пара вязальных спиц и три перочинных ножика.

– Благодарю вас, господа, за участие к судьбе нашего артиста, – удовлетворенно произнес конферансье. – Вы очень любезны…

Он передал поднос появившемуся из-за кулис артисту, который быстро окинул взглядом лежащие на подносе предметы, выбрал пару тонких ключей, спицу и ножницы и принялся колдовать над висячим замком, причем стоял он боком к публике, чтобы зрители видели все его манипуляции.

Через сорок секунд при помощи длинного ключа с односторонней бородкой и спицы навесной замок был открыт.

– Минута семь секунд, минута шесть секунд… – отсчитывал оставшееся время конферансье…

Артист уже приступил к открытию замка сундука. Тут ему пригодились ножницы и спицы. Вставив спицу и одно из режущих полотен ножниц в отверстие замка, другой спицей он стал легонько тыкать в замочное отверстие, пока вдруг резко не перестал это делать, оставив спицу недвижимой. Затем, используя кольцо ножниц в качестве головки ключа, повернул кольцо по часовой стрелке. Раздался едва слышимый щелчок. Выдержав секундную паузу, артист поднял крышку, и из сундука, натужно глотая воздух раскрытым ртом, вылез человек, уже без маски и цепей. Как он высвободился от цепей внутри сундука, в котором лежал в сложенном состоянии, как младенец в утробе матери, оставалось неразрешимой загадкой.

– Две секунды, одна…

Зал разразился шквалом аплодисментов.

– Я тоже смог бы открыть такие замки, – неожиданно и не очень трезво заявил Аркаша.

– Нет, ты бы так не смог, – не согласился с ним его товарищ.

– Смог бы, – настаивал на своем Петров. – Надо только немного попрактиковаться.

– Пари? – предложил товарищ.

– Пари! А на что?

– На трешницу. Два дня тебе поупражняться хватит?

– Вполне, – самонадеянно ответил Аркаша.

На следующее утро он, конечно, крепко пожалел, что так необдуманно похвалился, да еще и принял пари. Однако делать было нечего, кроме как попытаться научиться вскрывать замки без ключей. Немного подумав, с чего начать, Аркаша оделся и, сходив в ближайшую скобяную лавку, купил несколько видов замков: обычный амбарный с круглой дужкой, английский цилиндровый и небольшой врезной, на которые закрываются шкатулки, ящики комодов, столов, бюро и секретеров.

Изучив их внимательным образом, он приступил к работе. Упражнялся в открывании замков Аркаша почти весь день.

Опыта и практики ради, легко вскрыл, пользуясь набором изготовленных отмычек, висячий замок, что запирал дом, и деревянную шкатулку тетушки, обнаружив в ней пачку долгосрочных облигаций на сумму в тринадцать тысяч рублей, бусы из жемчуга и золотые сережки с камушками. Ему было неловко, что он вскрыл эту шкатулку, но неловкость эта быстро прошла…

На следующий день истекал срок пари. Надлежало показать друзьям и, главное, тому, с кем он поспорил, что он, Аркадий Петров, не какой-то там трепач с «языком без костей», но человек, вполне отдающий отчет своим словам и готовый за них держать ответ.

А друзья тем временем приготовили ему сюрприз. На квартире одного из студентов они постарались создать примерно такую же ситуацию, что была в цирке при исполнении номера по открыванию замков. И даже немного сложнее. Аркаша должен был сначала открыть входную дверь в квартире, запертую на английский замок, потом вскрыть чулан, закрытый на висячий замок, открыть в чулане сундук с врезным замком и освободить запертую в нем кошку.

– Не знаю, на сколько времени кошке в сундуке хватит воздуха, но сидит она в нем уже долго, – усмехаясь, предупредил Аркадия студент, заключивший с ним пари.

Аркаша ничего не ответил и достал из кармана завернутые в тряпицу инструменты.

– А ты, я вижу, готовился серьезно, – произнес студент, разглядывая отмычки.

– Да, готовился, – ответил Аркаша. – Не голыми же руками замки открывать.

– Ну-ну, – снова усмехнулся студент.

Аркаша заглянул в замочную скважину, увидел несколько штифтов, а взяв вороток, вставил его в верхнюю часть замочной скважины и слегка нажал на рычаг. Затем достал отмычку с подобием серпика на конце. Вставил ее в скважину и отжал первый штифт. Удерживая его в отжатом состоянии корпусом спицы, нащупал кончиком серпа второй штифт, отжал его, затем нащупал третий, четвертый… Когда все четыре штифтовые пары были отжаты, он резко нажал на рычаг воротка и, оставляя его под сильным давлением, стал плавно вытягивать отмычку из прорези. Когда кончик отмычки миновал последний штифт, личинка замка провернулась, и дверь открылась.

– Браво! – произнес кто-то из студентов. А заключивший пари с Аркашей слегка помрачнел.

Висячий замок на чулане был совсем новенький, видимо, куплен специально для пари.

Аркаша присел на корточки, посмотрел в скважину, взял свои две первые отмычки, приготовленные из спиц тетушки, вставил в скважину первую спицу и, поворачивая ее, стал нащупывать паз в ригеле.

Не получилось. Скорее всего, паз находился в самом конце ригеля, и загнутого конца спицы просто не хватало, чтобы его достать. Тогда Аркаша повернул спицу вправо, упер ее в ригель и стал поворачивать спицу в сторону открытия запора. Создав таким образом натяжение для ригеля, второй отмычкой он нащупал и отодвинул одну пластину, что держала запорный штифт, затем другую, а третья никак не желала сдвигаться.

Аркаша шумно выдохнул и посмотрел на товарища, с которым заключил пари. Тот подмигнул ему и спросил с затаенной издевкой:

– Что, никак?

Аркаша ничего не ответил. Он думал.

Верхняя пластина. Только она теперь держит запорный штифт. Почему же она не двигается? Может, она вообще не сдвигается в сторону? Тогда как освободить штифт?

Решение, как всегда, лежало на поверхности: надо эту пластину просто поднять.

Аркаша снова посмотрел на инициатора спора, подмигнув ему в ответ, нащупал низ третьей пластины, просунул под нее загнутый конец отмычки и приподнял им сувальду. Штифт освободился от последнего запора, раздался характерный щелчок, первая спица провернулась, отодвинув ригель, и дужка замка раскрылась.

– Браво! – воскликнул студент, уже похваливший Аркашу за открытие английского замка.

А другой добавил:

– Ты, Аркаша, замки вскрываешь, прямо как орешки щелкаешь. Инженер, да и только. А не податься ли тебе в «шнифера», инженер?

– Я подумаю, – ответил Петров и подошел к запертому сундуку. Замок его был похож на замочек тетушкиной шкатулки, только немного больше. Отмычки, изготовленные для вскрытия амбарных замков, были велики, а те, что из английских булавок, малы и слабы. – Мне нужны два тонких шила, или одно шило и большая сапожная игла, – сказал он.

– Ну, знаешь! – отозвался хозяин квартиры. – Я не сапожник. И не скорняк. Откуда у меня сапожные иглы возьмутся? А вот шило, кажется, где-то было. Но одно…

– Давай, – произнес Аркаша, чуть подумав. – И иголку потолще… Да, и клещи еще понадобятся.

Студент принес здоровенные клещи, шило и большую иглу с ушком. Аркаша еще раз посмотрел на замок. Он мало чем отличался от замка тетушкиной шкатулки, разве что размерами, поэтому представить, что у него внутри, не составило труда. Одним словом, ничего особенного…

Аркаша мысленно прикинул, на какую длину ему надо согнуть концы шила и иглы, затем согнул их клещами, отложил клещи в сторону и, присев возле сундука, сунул конец шила в замочную скважину. Нащупав ригель, стал давить на него шилом в сторону открытия, а иглой стал толкать и приподнимать пластины-сувальды. После нескольких манипуляций иглой ригель поддался, и Аркаша стал двигать его шилом, пока он не уперся задним концом запора-язычка в стенку замка. Аркаша поднялся, оглядел присутствующих и жестом факира-фокусника отрыл крышку сундука. Как только она отрылась, из сундука молнией выскочила кошка с круглыми дикими глазами и, юркнув между ног студентов, скрылась в комнатах.

– Браво! – снова произнес восторженный студент, а двое других захлопали в ладоши. Проигравший пари спорщик уныло качнул головой и полез в карман за проигранной трешницей…

Несколько дней Аркаша ходил по училищу триумфатором. Через неделю спор забылся. А через две недели возле него, шедшего по Мытной улице в сторону Коровьего вала, остановилась крытая повозка. Из нее выскочили два человека в черных пальто и шляпах, один резко стукнул кулаком Аркаше под дых, после чего его, задыхающегося и согнутого пополам, втащили в повозку, связали руки, затолкали в рот тряпичный кляп, и повозка тронулась.

Ехали довольно долго. Потом послышался звук открываемых ворот. Похоже, въехали в какой-то двор. Человек в черном, что сидел справа, завязал Аркаше глаза и приказал:

– Выходи!

Аркаша, осторожно ступая, на ощупь вышел из повозки, поддерживаемый одним из похитителей. Потом его повели по двору к дому. Послышался звук открываемой двери, затем еще одной. Через несколько шагов ему было велено остановиться. С него сняли повязку, и Аркаша, щурясь, увидел молодого худощавого человека двадцати с небольшим лет с хилой неухоженной бородкой, который буравил его маленькими глубоко посаженными колючими глазками, сидя за столом большой комнаты, освещаемой керосиновой лампой, поскольку все четыре окна были плотно занавешены.

В дальнем углу в кресле сидел еще один человек, лица которого из-за слабого освещения не было видно. Двое в черном, что похитили Аркашу и привезли его сюда, предусмотрительно стояли за его спиной…

– Вас зовут Аркадием Петровым, – произнес молодой человек с неухоженной бородкой. – Две недели назад вы выиграли некое пари… Это так? Я ничего не путаю?

Аркаша молчал.

– Вы не хотите мне отвечать?

– Не имею ни малейшего желания, – с вызовом ответил Петров.

– Поначалу все так говорят, – недобро усмехнулся худощавый, – а потом охотно соглашаются побеседовать со мной. Некоторые даже умоляют меня об этом, – зловеще добавил он. После чего перевел взгляд на одного из людей в черном, и тот со всей силы ударил Аркашу в бок чуть выше поясницы. Боль была такая адская, что у него перехватило дыхание.

– Ну, как? Хотите еще? – удовлетворенно хмыкнул худощавый.

– Нет, – с трудом выдохнул Аркаша.

– Та-а-ак, уже лучше. Значит ли это, что теперь вы будете разговаривать со мной?

– Значит, – прохрипел Аркаша.

– Вот и славно, – кивнул худощавый и уставился прямо ему в глаза: – У нас к вам имеется интересное предложение: вы открываете для нас один несгораемый шкафчик, после чего мы отпускаем вас на все четыре стороны. Разумеется, с условием, что вы никому не станете рассказывать об этом вашем… небольшом приключении.

– Но я не умею открывать несгораемые шкафы, – искренне удивился Аркаша.

– Ну как же? – придав голосу нотки удивления и обиды, произнес худощавый. – Не далее как две недели назад вы, как заправский «шнифер», открыли аж три разных замка и легко выиграли пари…

– Так то были простые замки, – заметил вполне резонно (как он сам считал) Аркаша. – Один амбарный, а другой вообще от старого сундука. Да и было это всего-то один раз…

– Ну, где раз, там и другой, – тоже вполне резонно парировал худощавый. – Конечно, вы можете отказаться, но в таком случае мы будем вынуждены силою принудить вас сделать то, о чем мы вас пока просим. После чего, скорее всего, вы потеряете здоровье, а возможно, станете убогим калекой. Неужели вы хотите этого?

– А если у меня попросту не получится открыть ваш несгораемый шкаф? – спросил Аркаша.

– Должно получиться, – безапелляционно ответил молодой человек с хилой бороденкой. – Это в ваших интересах. Потому что, в противном случае, мы вас убьем. Сохранить свою жизнь вы сможете лишь в одном случае: если откроете несгораемый шкаф.

Аркаша был молод, и жить очень хотелось. Поэтому он встретился взглядом с худощавым и, чуть помедлив, спросил:

– А где находится несгораемый шкаф?

Тот обернулся в сторону господина, лица которого не было видно, и произнес:

– Это вы узнаете попозже. – Затем, уже почти доброжелательно, добавил: – Что вам понадобится для нашего дела?

– Мне понадобятся мои инструменты, – ответил Аркаша. – Они находятся у меня дома.

– Однако у вас даже имеются *свои* инструменты… А вы и правда настоящий «шнифер»…

Повозка стояла во дворе. Ему снова завязали глаза, усадили в нее и повезли домой.

Человек в черном, невыразительной наружности и неопределенного возраста, сопровождал Аркашу, пока он забирал свои отмычки. На вопрос тетушки, где он был и куда опять собирается, Аркаша коротко ответил:

– В училище.

Его привезли обратно в дом худощавого молодого человека, которого он в тот день больше не видел. Накормили и заперли в небольшой комнатке с топчаном, скорее похожей на чулан. На этом топчане он и скоротал ночь. Утром его вывели в нужник, напоили чаем и снова заперли, не ответив на его вопрос, как долго еще сидеть взаперти. Часа в два пополудни принесли в его комнатку ломоть хлеба с куском мяса и чашку чая. Он поел и, от нечего делать, заснул.

Разбудили Аркашу, когда была уже ночь.

– Одевайся и забери с собой инструмент, – сказал ему человек в черном.

Он оделся, взял тряпицу с отмычками и сунул ее за пазуху.

Ехали довольно долго. Проехали по Большой Никитской улице, свернули в Скарятинский переулок. Здесь остановились.

– Выходи! – приказали Аркаше.

Их было четверо, включая и его самого. Пошли пешком по направлению к Малой Никитской. Выйдя на нее, повернули направо и остановились у здания Жандармского управления. Один из четверых, что был одет в форму жандармского ротмистра, постучал в дверь:

– Откройте, у меня депеша для его превосходительства генерал-лейтенанта Слезкина.

Ему открыли. «Ротмистр» вошел, полез в карман шинели, но вместо пакета выхватил нож и резким движением всадил его в живот дежурному офицеру, второй рукой зажав ему рот. Затем выверенным ударом тем же ножом нанес удар прямо в сердце.

Аркаша от ужаса застыл на месте. Его втолкнули в распахнутые двери, после чего тотчас захлопнули. Двое других, что были с Аркашей, порешили еще одного жандарма, находящегося в дежурной комнате, и притащили туда первого убитого офицера. Затем все четверо поднялись на второй этаж и пошли по коридору, читая таблички на дверях, пока не остановились перед дверью с табличкой «Секретная часть».

– Давай! – услышал Аркаша приказ.

Не пришедший еще в себя от увиденного, он присел у замка и оглядел скважину. Замок был сувальдный врезной. Судя по всему, он имел ключ с замысловатой бородкой, что указывало на наличие трех, а то и более пластин-сувальд.

Аркаша достал две свои первые спицы-отмычки. Нащупать паз в ригеле не удалось, и он просто упер отмычку в ригель, толкая его в сторону открытия, затем стал нащупывать пластины-сувальды, сталкивая их с места или приподнимая, дабы освободить запорный штифт от зацепления его с сувальдами. Скоро он услышал первый щелчок, затем второй, третий, четвертый… И ригель, наконец, скользнул вправо…

Аркаша выпрямился, вытер пот со лба и, потянув за ручку, открыл дверь.

– Есть! – буркнул кто-то из троих, что были вместе с Аркашей, и все осторожно прошли в комнату-кабинет. Шторы на окнах были задернуты, так что свет от зажженной свечи с улицы был вряд ли виден.

Несгораемый шкаф стоял на полу возле письменного стола прямо под большим портретом государя императора Александра Николаевича Освободителя. Шкаф был почти квадратной формы, высотой около двух аршин, на коротких ножках, с двумя складными ручками по бокам, видимо, для его переноса. На его дверце имелась Т-образная поворотная ручка, отпирающая ее, и замочная скважина, закрытая накладкой в форме головы льва.

Аркаша сдвинул накладку и осмотрел отверстие для входа ключа. Оно было обычное для врезных замков. Вот только бородка ключа была явно нестандартной. И сколько запоров держало дверцу, также было неизвестно…

– Мне нужно больше света, – произнес он и посмотрел на человека невыразительной наружности.

Тот подошел ближе к шкафу и поднес свечку к замку.

– Вот так и держите, пожалуйста, – бросил ему через плечо Аркаша, раскладывая на полу возле себя весь инструмент, что был у него с собой.

Начинать следовало, как обычно, с паза на ригеле. Он нашел его и вставил в паз согнутый конец поднявшейся вверх по замочной скважине спицы. Затем стал прощупывать запорный механизм и освобождать штифт попеременно от держащих его пластин, приставив ухо к дверце. Бился он над шкафом более четверти часа. Дважды был вынужден начинать все сначала, но наконец штифт был высвобожден от последнего запора, ригель под воздействием

спицы сдвинулся с места, и одновременно с громким щелчком открываемых запоров прозвучал мелодичный звон, похожий на бой часов. Аркаша повернул рукоять Т-образной ручки вправо, потянул дверь на себя, и она открылась, обнажив нутро несгораемого шкафа с несколькими папками на полке и запертым верхним отделением. Его тоже надлежало открыть, что Аркаша и сделал в течение полутора минут, пользуясь отмычками из двух английских булавок. На полке лежала какая-то пухлая папка, на которой было написано:

Материалы дознаний о лицах, изобличенных в принадлежности к противуправительственным партиям и организациям.

Он потянул папку на себя, и из нее выпал небольшой листок плотной бумаги с фотографией уже знакомого ему худощавого молодого человека с хилой бородкой и надписью:

Нечаев Сергей Геннадьев.

Вверху папки стоял штамп:

Секретно.

Человек в форме жандармского ротмистра быстро выхватил из рук Аркаши папку и сказал:

– Все, уходим!

Один за другим комнату «Секретная часть» покинули все, кроме Аркаши, аккуратно собиравшего свои инструменты. Когда же он вышел из здания Жандармского управления, никого из его «подельников» уже не было…

Аркашу отпустили, поскольку худощавому человеку с хилой бородкой нужна была именно эта папка, изобличающая его как государственного преступника. Нечаев Сергей…

Аркаша и не слышал о такой личности, пока газета «Московские ведомости» не написала об убийстве Нечаевым и членами «московской пятерки» (в лице Кузнецова, Николаева, Прыжова и Успенского, входящих в организацию «Общество народной расправы») студента Петровской сельскохозяйственной академии Ивана Иванова, тоже входящего в эту организацию. Студент Иванов был заподозрен в сотрудничестве с полицией, измене, неповиновении и прочих не прощаемых в организации Нечаева грехах. Его хитростью заманили в старинный грот парка Петровской академии, размещавшийся близ самого пруда, оглушили деревянной дубинкой, затем били по голове кирпичами, а сам Нечаев добил его из револьвера выстрелом в лицо. После чего труп студента сбросили в прорубь пруда, но тело вскорости было случайно найдено крестьянином села Петровские выселки.

Началось следствие. Убийцы были найдены и арестованы, все, кроме самого Нечаева, московские связи которого были в той самой папке под названием: «Материалы дознаний о лицах, изобличенных в принадлежности к противуправительственным партиям и организациям». Он успел скрыться на одной из конспиративных квартир и позже уйти за границу в Швейцарию.

Уже зимой семидесятого года дело об убийстве студента Иванова переросло в дело о самой организации Нечаева. Начались аресты. Взяли человек десять молодых и не очень людей, имеющих принадлежность к «Обществу народной расправы». Очевидно, кто-то из этой десятки либо сам участвовал в налете на Жандармское управление, либо был об этом хорошо осведомлен, и на допросе рассказал о налете, об убийстве двух жандармов и о вскрытии несго-

раемого шкафа в секретной части управления. И в один из февральских дней 1870 года, запомнившийся колючими стылыми метелями, в дом Петровых неожиданно постучали.

– Кто там? – подошла к двери тетушка.

– Полиция, – последовал незамедлительный ответ.

На руках полицейских было предписание к аресту Аркадия Степановича Петрова и обыску в его доме.

Слава богу, что набора отмычек не нашли. Аркаша после случившегося в Жандармском управлении хотел было выбросить тряпицу с инструментами, но что-то остановило его, и он спрятал их в специально приготовленном тайничке в мастерской, так что полицейские не смогли их найти, зато увели Аркашу с собой, несмотря на громкие протесты тетушки. Она даже загородила собой входную дверь, но ее вежливо подвинули два дюжих молодца, вывели племянника из дома, усадили в бричку и увезли.

После первичного дознания в полицейском участке Аркадия Петрова передали в руки жандармерии. На первом допросе присутствовал сам начальник Московского губернского жандармского управления генерал-лейтенант Слезкин. Он сидел в кресле сбоку от стола и испепелял Аркашу взглядом: совершить налет на Жандармское управление, с убийством офицера и нижнего чина, забраться в секретную часть и вскрыть там несгораемый шкаф, забрав важнейшие секретные документы, – такое случалось не каждый день. И не каждый год. Да что там год, не каждое десятилетие. И вообще это неслыханное дело! Так что интерес к Аркадию Петрову был весьма неподдельный, как и злость, испытываемая к нему: за свершенные деяния он должен был поплатиться…

Аркашу допрашивал помощник генерала Слезкина полковник Сазонов. После ряда обязательных вопросов об имени, происхождении, роде занятий последовали вопросы, касаемые налета на Жандармское управление. Аркаша отвечал честно, ничего не утаивая и не особо себя выгораживая.

Да, вскрыл несгораемый шкаф и достал секретные документы, передав их тем, кто его привел. Но если бы он не открыл этот шкаф, его бы убили.

Да, он имел специальный инструмент в виде отмычек для замков, но изготовлены эти отмычки были отнюдь не для открытия несгораемого шкафа, а для того, чтобы выиграть пари…

– Ну и как, выиграли вы это пари? – спросил его полковник Сазонов.

– Выиграл, – так же честно ответил Аркаша.

– А откуда про вас и ваши способности узнали люди государственного преступника Нечаева?

– Я не знаю, – пожал плечами Аркаша. – Но только те, что похитили меня, были прекрасно осведомлены про это пари.

– Допустим, – заключил полковник и, мельком взглянув на молчавшего генерал-лейтенанта Слезкина, продолжил: – Что было потом?

– Меня привезли в какой-то дом и держали взаперти.

– А что это был за дом и где он находится? – последовал новый вопрос.

– Я не знаю. Меня везли с завязанными глазами.

– Ну, а окна в доме? Куда они выходили, что было за окнами?

– Все окна были плотно зашторены.

– Значит, вы не можете даже примерно сказать, где вас держали?

– Не могу.

– Не могу, не знаю, не видел… – Генерал-лейтенант Иван Львович Слезкин метнул в Аркашу такой взгляд, что будь он материален, то проткнул бы Петрова насквозь. – Какой-то детский лепет, право. Вы что, полковник, не видите, что этот хлыщ просто водит нас за нос?

– Я говорю правду, – произнес Аркаша.

– Правду? – поднялся с кресла генерал-лейтенант. – А правда заключается в том, что вы будете обвиняться по трем статьям действующего с шестьдесят шестого года «Уложения о наказаниях»: участие в грабеже, соучастие в убийстве двух лиц и недоносительство. Это каторга, молодой человек. Так что советую вам все нам рассказать. В том числе и о вашем знакомстве с преступником Нечаевым…

– Но я не был с ним знаком…

– Тем не менее именно от него вы получили задание проникнуть в Жандармское управление и вскрыть несгораемый шкаф с секретными документами, ведь так? – негодовал его превосходительство. – Или я что-то путаю?

– Когда я с ним разговаривал, я еще не знал, кто он…

– А когда узнали?

– Когда открыл верхнее отделение шкафа и достал из него папку, – ответил Аркаша.

– Допустим, – кивнул Сазонов, снова беря инициативу допроса в свои руки. – А что вы знаете об организации Нечаева «Общество народной расправы»?

– Ничего.

– И вы в таковом, конечно, не состоите? – В голосе Сазонова прозвучало явное недоверие ко всему, что говорил допрашиваемый.

– Не состою, – начал уставать от вопросов Аркаша. – Как я уже говорил, меня взяли прямо на улице, насильно затолкали в повозку, так же насильно привезли в тот дом, где два дня насильно удерживали, а затем заставили под угрозой смерти пойти вместе с остальными в Жандармское управление, где я должен был либо вскрыть тот проклятый несгораемый шкаф, либо умереть. Я хотел жить. Поэтому приложил все свои силы и умение, чтобы вскрыть шкаф и дать преступникам то, что они от меня ждали. То есть секретную папку…

– Вы разве не видите, господин полковник, что сей хлыщ пытается свести свое участие в разбойном налете на Жандармское управление как действия по принуждению и тем самым уклониться от наказания, – гневно заметил Сазонову генерал-лейтенант. – Не выйдет, господин революционер, – обернулся он к Петрову. – Как бы вы ни старались, не выйдет!

– Ну, вы еще не суд, – буркнул Аркаша.

– Что?! Да как ты смеешь, щенок! Я тебя в тюрьме сгною!

Генерал-лейтенант Слезкин побагровел, хотел было еще что-то добавить, но передумал и скорым шагом покинул допросную комнату…

– Напрасно вы так неосмотрительно бросаетесь словами, господин Петров, – заметил полковник Сазонов. – Слова иногда имеют более весомое значение, нежели поступки и иные действия.

– Я говорю правду, – снова заявил Аркаша.

– Мы проверим эту вашу правду, – сдержанно заверил его полковник. – Значит, после того как вы открыли шкаф и передали документы, вас отпустили?

– Да. Я просто стал им не нужен… И больше никогда их не видел.

– Тогда почему же вы тотчас не пошли в полицию и не заявили о своем участии в данном преступлении? – задал весьма резонный вопрос жандармский полковник.

Что на такое ответить, Аркаша не знал. И правда, почему он тогда не пошел в полицию и не рассказал все? Испугался? Наверное. А еще он был потрясен случившимся и просто не соображал, что ему делать дальше. Поэтому первейшим и вполне оправданным его желанием было поскорее попасть домой. Что он и сделал…

– Вы можете описать внешность ваших похитителей и тех, с кем вы совершили налет на Жандармское управление? – спросил Сазонов, так и не дождавшись ответа на свой предыдущий вопрос.

– Я не совершал налет на управление, – промолвил Аркаша, глядя полковнику прямо в глаза. – Меня силой принудили быть вместе с налетчиками. Я им был нужен только для того, чтобы открыть несгораемый шкаф.

– И все же, опишите их внешность.

– Тех, кто затащил меня в повозку, было трое. Третьего я не рассмотрел, а те двое… – Аркаша на короткое время задумался. – Один был высокий и молчаливый. Голоса его я не слышал. Помню лишь, что у него было длинное лицо и мясистый нос. А второй был среднего роста, с ничем не примечательной внешностью. Они оба участвовали в налете на Жандармское управление…

– Вы видели, кто убил дежурного офицера?

– Это третий… На нем была форма жандармского ротмистра. Плотный такой, подвижный…

Сазонов немного помолчал. Потом приказал увести Аркашу.

До лета семьдесят первого года Аркаша просидел в жандармском Доме предварительного заключения, размещенном в Петровских казармах рядом с казармами жандармского дивизиона. Несколько раз ему разрешали свидания с тетушкой, которая неустанно хлопотала о его освобождении или хотя бы смягчении возможного наказания, обивая за немалую мзду пороги кабинетов различных присутствий, столоначальники которых хоть как-то могли повлиять на судьбу Аркаши.

Она ездила в Петербург и имела две аудиенции с управляющим Третьим отделением собственной его императорского величества канцелярии генерал-майором Мезенцевым. Николай Владимирович обещал разобраться, но весной семьдесят первого года был временно отозван из корпуса жандармов, и обещание как-то позабылось. Тетушка пошла дальше и дошла до самого шефа жандармов генерал-лейтенанта графа Шувалова, который, благосклонно выслушав Аграфену Феоктистовну, также пообещал разобраться.

Судебное разбирательство по «Нечаевскому делу» началось 1 июля 1871 года.

Проходило оно в Петербургской Судебной палате целых две недели. Отчеты о заседании едва ли не каждый день печатал «Правительственный вестник», которые затем перепечатывали центральные и местные российские газеты. Дважды в «Вестнике» прозвучала фамилия Петрова, коего участники его похищения и налета на Московское губернское жандармское управление называли между собой «Инженером». С тех пор эта кличка прилепилась к Аркадию Степановичу на всю жизнь, и часто совершенно механически он и сам называл себя так.

Из восьмидесяти семи человек, привлеченных к судебному разбирательству, участники и соучастники убийств были осуждены на различные сроки каторги, многие получили немалые тюремные сроки и ссылку в Сибирь административным порядком, около двух десятков человек были вчистую оправданы. Аркаша в их число не попал: похоже, генерал Слезкин сделал все, чтобы Петрову вскрытие сейфа в его управлении не сошло с рук. Хотя соучастие его в убийстве двух жандармских чинов и вскрытие сейфа с секретными документами было классифицировано как «*не вменяемое в вину ввиду принуждения от превосходящей непреодолимой силы*». Так что Аркаша получил по суду наказание только за недоносительство: полтора года пребывания в арестантском отделении. Это была самая низкая (пятая) степень наказания, и в этом, похоже, тетушкины обивания порогов присутственных мест и дача взяток определенным лицам принесли свои плоды…

Однако полтора года в арестантском отделении – тоже не сахар. Жили арестанты, все триста человек, в двухэтажном здании Хамовнических казарм. Железной армейской дисциплины и наказания розгами за малые и большие провинности, что было явлением частым в арестантских ротах, не существовало уже более года. И на общегородских работах, то бишь мощении дорог, рытье каналов, строительстве домов, мостов, заборов и прочего, заключенные арестантских отделений уже не использовались. Однако на территории арестантского отделе-

ния в первом этаже здания, где помещались арестантские казармы, имелось несколько мастерских, где арестанты выполняли заказы казенных и частных учреждений. Получали они треть от заработанного, на что можно было прикупить еды, одежду или копить, с тем чтобы получить всю сумму по окончании срока. Имелись пошивочная, сапожная, столярная, слесарная, кузнечная и бондарная мастерские. Арестантам можно было выбирать, где трудиться, и Аркаша, естественно, выбрал слесарную мастерскую.

Он шабровал и шлифовал, сверлил и нарезал резьбу, клепал и паял. А поскольку он умел читать чертежи, то ему иногда поручалось изготовить нужную деталь по точным размерам, и он изготавливал ее тютелька в тютельку.

Однажды ему принесли для починки замок от несгораемой кассы со сложными сувальдами разной толщины и конфигурации, который пытались вскрыть отмычками и попросту сломали, а вскрыть не получилось. Это был замок марки «Protector» известной немецкой фирмы «Теодор Кромер», о котором было заявлено, что открыть его неродным ключом решительно невозможно. Аркаша замок починил, но собирать его и сдавать работу не торопился. Он изготовил две разные проволочные отмычки и четырехугольный толкатель, коими попытался открыть этот самый «Protector», глядя на его механизм. Несколько раз ему пришлось дорабатывать отмычки, поскольку одной он высвобождал штифт от двух первых сувальд, а второй – от вторых двух. Имелась еще пятая пластина-сувальда, неподвижная, а при открытии замка надлежало зацепить уже сам штифт, а не пластину-сувальду. Поэтому пришлось изготовить для последней операции третью отмычку с концом, загнутым в форме петли.

Через сорок минут попеременного действия сначала одной отмычкой, потом второй, а затем третьей, держа при этом ригель в постоянном напряжении на открытие, замок вскрылся.

«Вот вам и «невозможно вскрыть сей замок неродным ключом», – подумал Аркаша, сдавая работу.

Кормили в арестантском отделении довольно сносно: два с половиной фунта хлеба в день, в мясные дни – по воскресеньям, вторникам и четвергам – давали в обед полфунта говядины в борще или похлебке, на ужин обычно была каша с подсолнечным маслом или салом.

Пару раз Аркаша попадал в карцер. За драку. В арестантском отделении существовать было непросто: здесь были свои «короли» и «валеты», свои «лохи» и «бакланы», которых дурачили, запугивали и заставляли делать то, что нужно было фартовым.

Аркашу тоже хотели было записать в лохи-прислужники, но сделать из него трясогузку[1] не вышло: одного припотела[2] он так неудачно ударил, что свернул ему челюсть. После чего и загремел в карцер.

Второй раз Аркаша попал в каменный мешок с железной дверью и откидными нарами за то, что принимал участие в коллективной драке бабанов[3] против фартовых. Попади он в карцер третий раз – накинули бы к его сроку еще полгодика, как пить дать. А так по истечении полуторагодичного срока Петров в посконных штанах и рубахе, полуваленках, зипуне и крестьянском малахае, с восемьюдесятью шестью рублями в кармане вышел в последней декаде января из Хамовнических казарм свободным гражданином. Хотя и поднадзорным, без права выезда из Москвы в течение четырех лет. Впрочем, никуда выезжать Аркаша и не собирался…

Он еще никогда не видел тетушку такой улыбчивой, душевной и доброжелательной к нему. До этого она была с Аркашей строга, добрых слов говорила мало, если вообще их говорила, и вела себя так, словно с трудом терпит его присутствие дома. А теперь все свое неизрасходованное материнское чувство она обратила на него.

---

[1] Трясогузка – (здесь) прислуга, лакей (*жарг.*). (Здесь и далее прим. автора.)

[2] Припотел – прислужник, находящийся в подчинении у фартового (*жарг.*).

[3] Бабан – мужик; не блатной (*жарг.*).

Работников, похоже, она давно рассчитала и свернула деятельность мастерской, а все крупное оборудование продала. Жила она скромно, если не сказать бедно, а из сбережений у нее остались одни лишь сережки с камушками, что по-прежнему лежали в шкатулке, некогда вскрытой Аркашей, когда он готовился выиграть глупое студенческое пари.

Тетушка прожила еще год. Опекая Аркашу и окружая его любовью, которую, как она теперь считала, ему недодала. И умерла весной семьдесят четвертого года, тихо, во сне. Как умирают люди, полностью исполнившие свою миссию на сей бренной земле.

Полтора года, проведенные в арестантском отделении, научили Аркашу многому: выживать в тяжких условиях, мало кого и чего-либо бояться, никому не верить на слово и полагаться только на самого себя.

Горбатиться на фабрике или заводе от зари до зари за жалованье он не хотел. И считал разумным и самым правильным использовать для жизни, желательно не голодной, свои технические навыки, в частности, умение вскрывать замки.

Первым его самостоятельным делом, сработанным в одиночку, было вскрытие несгораемой кассы в ссудной лавке на Мясницкой. Уже первый улов оказался довольно весомым: восемьсот рублей кредитными билетами и оставленные в залог вещи: пять золотых часов, один серебряный портсигар, несколько золотых перстней и жемчужное ожерелье. Аркаша поступил грамотно и разумно: не понес все это в ссудную лавку, дабы заложить безвозвратно, а припрятал в тайничок до *лучших времен*. Сообразил, что полицианты будут искать похищенные вещицы и, обнаружив их в ссудной лавке или у кого-либо на руках, без труда могут выйти на него.

Затем Аркаша «подломил» несгораемый шкаф Паточно-уксусного завода в Хамовниках, взяв там девятьсот рублей ассигнациями, проник в сберегательную кассу в Охотном Ряду, поживившись четырьмястами рублями, и заимел весьма неплохой куш, вскрыв в течение всего-то семи минут несгораемый шкаф в Торговом доме «Ценкер и К» в Звонарной слободе близ храма Святого Николая Чудотворца. Поскольку взято было в Звонарях около сорока тысяч, Аркаша на время решил успокоиться и не гневить Бога: денег вполне хватало, чтобы жить безбедно, ни в чем себе не отказывая, лет десять, ежели не более. Однако деньги имеют особенность заканчиваться скорее, чем ожидаешь. Да и без дела Аркадий Степанович долго обходиться не мог, ибо «бить баклуши» было не в его характере. Поэтому в течение нескольких последующих лет Инженер «подломил» еще несколько ссудных лавок и комиссионерскую контору на Лубянской площади. А когда окончился срок невыезда из Москвы, он предпринял вояж по близлежащим к Первопрестольной городам, удачно «почистив» и там с десяток ссудных касс, меняльных лавок и комиссионерских контор.

В начале восьмидесятых годов Инженер свел знакомство с барышником, скупающим украденные вещи. Тот специализировался аккурат на веснухах[4], обручах и прочем рыжье[5]. Звали воровского маклака Иосиф Фреймут, и был он племянником владельца старейшей в Москве аптеки на Никольской улице. Ему-то Аркадий Степанович, с известной уже в воровском мире кликухой «Инженер», и сбыл за полцены все безделицы из своего тайника, общим весом без малого полпуда.

В возрасте тридцати пяти лет Инженер возымел глубокие чувства к двадцатидвухлетней Екатерине Ипатьевне Бартеневой, представительнице знатной московской фамилии, вконец разоренной и обедневшей после манифеста об отмене крепостного права. Несмотря на сие обстоятельство, Екатерина Ипатьевна, как и ее маменька и тетушка, отнюдь не желала довольствоваться малым, ухаживания далеко не бедного Аркадия Степановича приняла и тотчас потребовала от него дорогих подарков и значительных расходов, против чего Инженер,

[4] Веснухи – золотые часы *(жарг.)*.

[5] Рыжье – золотые вещи *(жарг.)*.

воспылавший к ней в своих чувствах, не имел никаких возражений. Напротив, был готов отдать ей все, что имел, включая душу и сердце. Однако Бартенева, похоже, в сердце и душе Аркадия Степановича особой нужды не испытывала. Чего никак нельзя сказать о выгоде материальной, ведь дом Бартеневых на Мясницкой до появления Петрова даже не на что было топить, а тетушка Екатерина – некогда весьма недурная собой – уже который год ходила в старом полинялом платье без корсета, воротничка и мантильи.

Конечно, и до Бартеневой имелись у Петрова женщины – а как без них, но Катенька, как звал ее Аркадий Степанович, завладела всеми его мыслями и чувствами. Менее чем за полгода знакомства с Бартеневой Инженер потратил на нее все свои средства и был вынужден возобновить, вернее, участить свои «шниферские» занятия. Он вскрыл парочку ссудных лавок и несгораемую кассу известного на Москве Товарищества чайной торговли «Василий Перлов с сыновьями», разбогатев на шесть тысяч рублей, которые, не без «помощи» Катеньки Бартеневой, истаяли в течение трех с половиной недель, и выпотрошил два несгораемых шкафа в здании «Купеческого общества взаимного кредита» на Ильинке, взяв там куш в тридцать пять тысяч рублей, которых хватило, конечно, малость подольше. И все бы ладно, ежели б не сработала одна закономерность: влюбленный мужчина сильно глупеет, а влюбленный «шнифер» теряет осторожность.

Любовная канитель с Екатериной Бартеневой, вымывающая, как бурная река, все наличные деньги и выматывающая силы и нервы, продолжалась до восемьдесят девятого года. До тех самых пор, пока Аркадий Степанович, взяв несгораемую кассу при почтовом ведомстве, не нацелился следом на другую кассу, также в отделении почты, и не попал в полицейскую засаду. Как позднее оказалось, полиция после «подлома» Петровым «Купеческого общества взаимного кредита» вышла на его след (у следствия выискался опознаватель, способный описать Инженера) и после взятия кассы при почтовом ведомстве установила за ним круглосуточное негласное наблюдение, чего влюбленный «шнифер» не срисовал (хотя должен был заприметить плотную «опеку»). И при попытке вскрыть несгораемую кассу в еще одном почтовым отделении Инженер был задержан с поличным и препровожден сначала в арестное помещение при полицейском участке, после чего помещен в Московскую губернскую уголовную тюрьму на улице Малые Каменщики близ Таганской площади и Спасского монастыря.

Он уже считался рецидивистом, «шнифер» Инженер, а в миру Аркадий Степанов, сын Петров. Поэтому вердиктом суда, состоявшегося осенью восемьдесят девятого года, получил Аркадий Степанович пять лет тюрьмы.

В девяносто третьем году в уголовную тюрьму «Каменщики» этапом из Одессы прибыл некий арестант Сема Рудый, совсем молодой еще рыжеватый «шнифер», откликающийся также на имена «Вильгельм Шульц», «Жан Романеску» и «Семен Михайлович». Сема Рудый, прознав, что в «Каменщиках» содержится известный в воровских кругах «шнифер» Инженер, непременно решил с ним познакомиться и на одной из получасовых прогулок во внутреннем дворике вокруг цветочной куртины, расположенной за низеньким штакетником, подошел к Аркадию Степановичу и почтительно, с одесским акцентом, произнес:

– Разрешите представиться, Сема Рудый. Вам, Аркадий Степанович, представляться без надобности: про вас наслышаны все уважающие себя «шнифера» всех российских губерний. А взятие на лапу «медведя»[6] в Губернском жандармском управлении в шестьдесят девятом году и двух «медведей» враз в «Купеческом обществе взаимного кредита» в восемьдесят восьмом натурально есть классика нашего жанра, про которую будут писать в учебных пособиях по вскрытию несгораемых шкафов, сундуков и касс. Если таковые, конечно, будут…

– Нет, не будут, – усмехнулся Инженер, глядя на ушлого рыжеволосого «шнифера».

[6] Взять на лапу «медведя» – взломать несгораемый шкаф *(жарг.)*.

– Может быть, и не будут, – согласился Сема Рудый. – Но в историю российского криминального мира вы прочно вошли. И уже никуда не выйдете… – добавил он с добродушным смешком.

Поскольку камеры запирались только на ночь, Сема Рудый всякий день приходил в «одиночку» к Инженеру, а потом, спросив разрешения у Аркадия Степановича, и вовсе невесть каким образом подселился к нему. Впрочем, одиночные камеры в восьмом четырехэтажном корпусе тюрьмы обычно и занимались двумя, а то и тремя арестантами. В нерабочее время Инженер с Семой Рудым либо играли в шашки, либо придумывали новые механизмы для замков несгораемых шкафов, которые было бы затруднительно открыть отмычками.

Работали Сема Рудый и Инженер в слесарно-механической мастерской, находящейся в девятом корпусе тюрьмы. Заказы были не часто, и, отработав, ни шатко ни валко с семи утра до пяти вечера, они возвращались в свою «хату» и вели долгие разговоры на темы конфигураций отмычек, различных модификаций замков и несгораемых шкафов. От Семы Рудого Инженер узнал, что некоторые мирового значения банки устанавливают теперь в своих хранилищах несгораемые шкафы и кассы с электрической сигнализацией, что усложняет вскрытие сейфа и увеличивает для «шнифера» опасность быть пойманным.

– Так что надобно сначала разобраться с сигнализацией и отключить ее, а уж потом вскрывать «медведя», – резюмировал сказанное Сема Рудый.

Вдвоем время пошло быстрее, и в один из колючих ноябрьских дней одна тысяча восемьсот девяносто четвертого года Аркадий Степанович Петров, попрощавшись с Семой Рудым и оставив ему адресок своего дома, в арестантской шинельке и с котомочкой за плечами вышел из ворот губернской тюрьмы и потопал к себе домой, в Самаринской проулок. Дом за пять лет нежилья заметно обветшал, и Аркадий Степанович, слегка его подновив, стал жить в нем один, изредка выходя на улицу, дабы пройтись и прикупить съестных припасов.

Через полтора года вышел из таганских «Каменщиков» Сема Рудый. За это время, восстановив за три недели весь утраченный при аресте «шниферский» инструмент, Инженер чисто взял на лапу «медведя» в конторе Кожевенного завода купцов Бахрушиных в Кожевническом проезде, поправив свое состояние на двенадцать тысяч рублей, после чего залег на дно на восемь месяцев. Затем, видимо, соскучившись по делу, но отнюдь не испытывая нужду в деньгах, вскрыл несгораемый шкаф в конторе золотоканительной фабрики купца Алексеева, изъяв из кассы с запирающейся крышкой, изготовленной в кузнечно-слесарном заведении Сергея Смирнова, еще четыре тысячи рублей.

Конечно, к нему, как поднадзорному, приходила полиция, проводила дознание и досматривала дом, но ничего подозрительного или хотя бы предосудительного не обнаружила. Улик, как понял Инженер, против него у блюстителей закона и порядка не имелось никаких.

Сема Рудый погостил у Аркадия Степановича два дня.

– Ну, все, мне пора, – сказал он, пожимая руку Инженеру. – Заждалась меня Одесса-мама. Надеюсь, ты обо мне еще услышишь. Читай газеты, раздел «Уголовная хроника». Специально для тебя я буду оставлять во взятых мною «медведях» английскую серебряную булавку…

И Инженер услышал.

В конце девяносто девятого года в Ростове-на-Дону злоумышленник в одиночку проник в здание Ростовского отделения «Волжско-Камского банка» на углу Большой Садовой улицы, открыл бронированную дверь банковской кладовой и вскрыл несгораемую кассу, предварительно отключив секретную сигнализацию. На все про все злоумышленнику потребовалось не более часа с четвертью. По заверению директора банка господина Рыжкова, из кассы банка исчезло сто двадцать семь тысяч рублей ассигнациями. На нижней открытой полке кассы была обнаружена серебряная английская булавка длиной в два дюйма с четвертью. Очевидно, преступник воспользовался ею в качестве отмычки. Более никаких улик и следов злоумышленник

после себя не оставил… Примерно так о случившемся происшествии сообщали газеты в разделах «Уголовная хроника».

Весной девятьсот четвертого года некий злоумышленник проник в нижегородскую контору пароходного общества «Волга» на углу Семинарской площади и Откоса и умыкнул из несгораемой кассы берлинской фирмы «Карл Аде» семьдесят тысяч рублей. На донышке кассы осталась лежать серебряная английская булавка длиной в два дюйма с четвертью…

В конце мая того же года Сема Рудый с паспортом на имя Казимира Станиславовича Ястржембского заявился домой к Аркадию Степановичу с корзинкой изысканных яств и двумя бутылками шато-лафита. Выглядел он настоящим франтом: шикарный визитный костюм, застегнутый на одну пуговицу, жилетка в мелкую звезду, полосатые брюки и шелковый цилиндр, сдвинутый слегка набок. По сравнению с ним Аркадий Степанович, в суконных штанах, серой рубахе навыпуск и серой жилетке, натурально смотрелся если не цеховым или фабричным, то уж, по крайней мере, рядовым мещанином – точно.

Посидели, повспоминали былое. Выпили, как водится, закусили разносолами. Аркадий Степанович гостю был несказанно рад и сильно опечалился, когда Сема сообщил, что сегодня вечером у него поезд.

– Я тебя провожу, – расстроенно буркнул Инженер.

Когда пришло время, вышли из дома, поймали извозчика и отправились на Брянский вокзал.

До отхода поезда оставалось еще время, и два «шнифера», пожилой и молодой, решили запечатлеться на снимке. Недалеко от вокзала находился павильон «Народная фотография Адольфа Рихтера», туда они и пошли. Фотографировались стоя – щеголь Сема Рудый и Инженер, надевший по случаю прохладного времени мещанскую чуйку.

– Мою карточку пришлешь по почте, – сказал Сема и дал Аркадию Степановичу свой одесский адрес. – Смотри, не забудь!

– Не забуду, – пообещал Инженер.

При прощании крепко расцеловались, и Аркадий Степанович почувствовал, что у него повлажнели глаза и пощипывает в носу. «Старею», – заключил он.

– Ты «Уголовную хронику» продолжай-таки читать, – сказал ему Сема Рудый и добавил, усмехнувшись: – И про булавочку английскую серебряную не забывай…

Когда поезд ушел, Аркадий Степанович взял извозчика и поехал домой. В голове было пусто, на душе – скверно, будто он расстался с родным человеком навсегда…

Заметок, репортажей и статей о похождениях Семы Рудого было полно, и Аркадий Степанович вырезал их из газет и складывал в отдельную папочку. Но сам тоже не сидел сложа руки.

Как-то Инженер заглянул раненько поутру в правление Товарищества чайной торговли и складов «Братья К. и С. Поповы» и умыкнул из железного сундука с хитрым замком четыре с половиной тысячи рублей. А в канун Рождества наведался в головную контору старейшей московской фирмы «Товарищество высшей парфюмерии «Ралле А. и К°», имеющей магазины на Кузнецком мосту и Тверской улице. Денежек там было побольше: восемнадцать тысяч целковых. В девятьсот пятом же году, в разгар экспроприационных акций анархо-коммунистами и эсерами, он вскрыл несгораемый шкаф в конторе Московского товарищества торговли портландским цементом. Три тысячи взятого в цементном товариществе вкупе с оставшимися деньгами от дел прошлого года ему вполне хватило, чтобы прожить два года, пока в городе «не улеглось».

В девятьсот восьмом году Аркадий Степанович покусился на одну из московских святынь: Банкирский дом «И. В. Юнкер и К°» на Кузнецком мосту. Банком и торговым домом с

одноименным названием владели несколько немецких семей, не допускавших хотя бы частичного контроля над банком и торговым домом кого-либо из русских промышленников и финансистов. И Инженер решил допустить к временному и частичному контролю над банком самого себя.

Смутные годы первых Советов рабочих депутатов, сеявших неразбериху и хаос, отнюдь не пошатнули финансовое положение «Юнкер-банка», как называли банкирский дом многие москвичи: немцы умели подстраховываться и сохранять капиталы. А вот «Купеческий» и «Учетный» банки были в эти годы едва ли не на грани банкротства. И хотя Инженер не отличался жадностью и желанием побольше хапнуть за один присест, на сей раз вознамерился взять очень приличный куш. Чтобы хватило надолго и еще осталось. Хотя и знал, что у немцев несгораемые кассы новейшие и с особо секретными замками. Но когда хитрые замки останавливали уважающих себя медвежатников?..

Аркадий Степанович примеривался долго. Ходил кругами вокруг «Юнкер-банка», но аккуратно и осторожно, стараясь не попадаться на глаза служащим и охране.

Тщательно готовил инструмент. Помимо того, что уже имелось, изготовил для цилиндрических замков с поворачивающейся личинкой новые отмычки-зацепы из проволоки и спиц, которые бы без проблем проникали в узкие скважины английских замков и цепляли бы штифтовые пары, поджимая и смещая их вверх по канавкам. Сработал из ножовочных полотен по металлу и выточил из надфилей несколько универсальных зубчатых отмычек-гребенок, с разным количеством зубчиков и различной их конфигурацией для одновременного поджима и смещения штифтовых пар цилиндрических замков. Приготовил пару изогнутых отмычек для поджима и смещения штифтовых пар как верхних, так и нижних. Это на случай, если цилиндровый замок будет иметь «родной» ключ с бородками по обеим сторонам. Осмотрел все толкатели, воротки и натяжители. Одним словом, приготовился. И в один из дождливых дней октября, когда крепко спится под мерный шум дождя, а на улицах нет прохожих и даже бродячих собак, отправился на дело.

Сторож банка, конечно, спал. Приняв крепко на грудь, Василий Никифоров дрых без задних ног и, разумеется, не слышал, как тихо открылась служебная дверь и человек в плаще, шляпе и с дорожным саквояжем в руках вошел в здание банкирского дома. Из кармана плаща он достал ручной электрический фонарик и нажал на кнопку цилиндрика. Свет от американского фонарика исходил неяркий, но вполне достаточный, чтобы бесшумно ступать, ничего не задевая, и видеть то, что необходимо.

Человек в плаще, шляпе и с дорожным саквояжем открыл попеременно две двери, что заняло у него не более полутора минут, прошел в небольшое помещение и высветил какой-то короб на стене, от которого в разные стороны расходились электрические провода. Вскрыл висячий замок короба, открыл его, потом достал из саквояжа отвертку и кусачки и произвел ими несколько манипуляций внутри короба. После чего снова закрыл его, навесил замок и отправился дальше. Дойдя до решетчатой двери, оглядел дверной замок, вытащил из саквояжа вороток и две отмычки и после нескольких манипуляций ими открыл замок, соответственно, и решетчатую дверь и пошел по коридору прямо к железной двери с круглой рукоятью.

Она была под двумя замками: сувальдным и цилиндрическим. На вскрытие обоих замков Инженер потратил минут семь-восемь. После чего сделал оборот стальной круглой ручкой-колесом, похожим на корабельный штурвал, и потянул дверь на себя…

Открывшееся помещение банковского хранилища было небольшим.

«Медвежатник» подошел к двум несгораемым шкафам и несгораемой кассе. Она была низенькой, но почему-то именно касса привлекла внимание Аркадия Степановича, хотя несгораемые шкафы были намного выше и объемнее, и денег в них могло бы уместиться значительно больше.

Несгораемая касса представляла собой металлический ящик-сундучок из стальных плит толщиной не менее четверти дюйма. По бокам у сундучка имелись складные ручки для переноски. А вот на его крышке… не было замочной скважины. И на боковых стенках не имелось никаких отверстий для ключа.

Это несколько озадачило Инженера и в то же время усилило его стремление открыть именно кассу, а не несгораемые шкафы. Он навел свет фонарика на крышку, стал тщательно всматриваться в нее и на правой ее стенке обнаружил небольшой паз со штифтом внутри. Он нажал на штифт, но тот не поддался. Тогда попробовал сдвинуть его вправо. И как только сделал это, подпружиненная пластина с громким щелчком встала на попа, обнаружив под собой горизонтальную пластину.

Аркадий Степанович уже знал, что делать дальше. Теперь уже на левом боку крышки он нащупал небольшой рычажок. Нажал на него, и горизонтальная пластина под воздействием освобожденной пружины, щелкнув, сместилась вбок, обнажив отверстие для ключа. Он стал неспешно и по порядку выкладывать из саквояжа инструменты. Выбрал граненый вороток-толкатель покрепче, две отмычки разных конфигураций для высвобождения штифта от подвижных пластин и третью отмычку с подобием петли на конце, для зацепления уже не сувальд, а штифта, чтобы высвободить его от блокировки неподвижной пластиной. Затем, выдохнув, приступил…

Сундучок-кассу, запертый на два оборота хитрого замка, Инженер открыл за двадцать две минуты. Касса была наполнена пачками денег. Он стал перекладывать их в свой дорожный саквояж, который наполнился доверху. Двести тысяч рублей! Это навскидку, поскольку не было времени считать их. Да и цели такой сейчас не стояло: дома пересчитает, в спокойной обстановке.

После выемки пачек с деньгами на самом донышке кассы показалось небольшое запертое отделение. Замок был несложным, поэтому Инженер открыл его менее чем за полторы минуты и увидел небольшой кожаный мешочек. То, что в нем находилось, когда он развязал его, превзошло все ожидания: целая горсть бриллиантов, великолепных по огранке и чистоте, самый маленький из которых тянул на 4–5 каратов.

Он уложил бриллианты обратно в мешочек, завязал его и положил во внутренний карман плаща. Затем опустил крышку кассы, вышел из хранилища и прикрыл за собой железную дверь…

Об ограблении банкирского дома «И.В. Юнкер и К°» писали все центральные газеты, а местные их перепечатывали. Похоже, одну из таких газет прочитал и Сема Рудый. И дней через десять после ограбления прислал телеграмму следующего содержания:

«Поздравляю с удачной охотой. Постараюсь не отстать».

А Аркадий Степанович продолжил свое небедное существование, обедая и ужиная в лучших московских ресторанах и изредка посещая дорогие дома свиданий на Трубной площади с девицами дворянского происхождения, китаянками и даже экзотическими негритяночками, пока снова не затосковал по делу и фарту. В девятьсот девятом Инженер взял на лапу «медведя» новейшей конструкции в конторе Торгового дома «И. Рунов и К°» и положил в свой тайничок тридцать тысяч рублей. В десятом году наведался в правление мануфактурного товарищества «Братья Старшиновы и К°», облегчив братьев-купцов Аркадия и Николая Федоровичей на шестьдесят пять тысяч целковых. И хотя братья публично пообещали вознаграждение в три, а потом и в пять тысяч рублей тому, кто хотя бы выведет на след ограбившего их злоумышленника, доброхот так и не нашелся…

В конце одиннадцатого года Инженер вскрыл новейший несгораемый шкаф фирмы «Братья Смирновы». Шкаф сей стоял в кабинете председателя правления российского предста-

вительства парижского Акционерного общества «Ревильон-братья», подвизающегося на ниве покупки и продажи пушнины и крепко набирающего в Москве обороты. Чтобы братья Ревильон не шибко задирали нос, спекулируя русской пушниной, Аркадий Степанович облегчил Акционерное общество на сто десять тысяч рублей.

Через год он снова заскучал и выпотрошил сейф с простеньким замком в конторе Товарищества «Залесский и Чаплин» на Большой Дмитровке. Месяца через два «облегчил» на семьдесят тысяч капитал шведского Торгового дома «Шварцкопф, Дзирне и Бош» на соседней Шаболовке. Полиция, ведущая расследование ограбления, дважды наведывалась в дом к Аркадию Степановичу, проводила дознания и допросы, но улик против Инженера не имела и в конце концов отвязалась от него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.